

Весьма любопытен случай оригинального семантического развития в полаб. *rod'aibnē* (*ragubъnъjъ или *ragubъnъjъ) 'умный', в других славянских языках соответствия выступают только в значении 'пагубный, сулящий гибель' (исходным для развития значения 'умный' послужило значение движения, присущее слав. **gub-*/**gub-*). Заслуживает внимания указание автора на особую продуктивность в полабском языке суффикса *-en-* в тех образованиях, где в других славянских языках отмечается суффикс *-ěn(-jan-)*, ср. полаб. *plät-nenē* (*poltnenъjъ) 'льняной, полотняный' (с. 530).

О. Н. Трубачев

Bezlaž F. *Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga; A — J. Ljubljana, 1976*

«Этимологический словарь словенского языка» — это первый опыт этимологизации словарного состава словенского языка. Словарь принадлежит проф. Ф. Безлаю, известному своими работами по гидронимии, этимологии и изоглоссным связям словенской лексики¹. Замысел словаря относится к довоенному 1939 г., когда при Словенской АН была создана этимологическая комиссия в составе Ф. Рамовша, Р. Нахтигалия, А. Брезника и И. Графенауэра. В 1943 г. Ф. Рамовш опубликовал двадцать пробных статей², из обзора которых видно, что в будущем словаре предполагалось отвести основное место не этимологии, которая носит общий и краткий характер, а полной документации литературных, исторических и диалектных источников по словенской лексике. В дальнейшем разные причины надолго отодвинули осуществление этого замысла. В послевоенные годы после смерти Ф. Рамовша работа над словарем была возложена на его ученика Ф. Безлая. В том, что Словенская АН на протяжении многих лет находила возможным и необходимым поддерживать столь многотрудное дело, требующее серьезной и долгой подготовительной работы, проявилась большая научная проницательность и дальновидность ведущих ученых Словении.

Настоящий словарь складывался и формировался в том виде, в каком его представляет первый том, преимущественно в последние десятилетия. И естественно, новое время внесло существенные коррективы в первоначальные принципы словаря. Из-за недостаточной разработанности словенской лексикографии оказалась нереальной идея свести воедино в одной словарной статье сведения о представленности слова в письменной литературе и по диалектам. Интенсивное исследование вопросов славянской этимологии, активизация работы по созданию этимологических словарей отдельных славянских языков выдвинули на первый план задачу этимологической интерпретации словенской лексики. Решение этой задачи имеет первостепенное значение для понимания места словенского в кругу славянских языков. И хотя Ф. Безлай по возможности использует различные лексикографические и диалектные источники, все же основной акцент сделан на разработку этимологической части. И словарь служит ценным справочником прежде всего по этимологии словенских слов. Выдающийся славист Ф. Миклошич, словенец по происхождению, дал образцы тонкого понимания внутренней формы и этимологических связей словенских слов и поставил на твердую научную основу изучение словенского языка. Словарь посвящен памяти Ф. Миклошича и Ф. Рамовша, и в этом дань уважения и понимание роли этих ученых в изучении словенского языка.

Работа Ф. Безлая представляет словенский язык во всем его лексическом богатстве. Самостоятельную ценность имеет приведенный фактический материал, почерпнутый из ономастики, многочисленных словенских диалектов.

¹ См.: *Bezlaž F. Slovenska vodna imena I—II. Ljubljana, 1956—1961; Он же. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.*

² *Letopis slovenske akademije znanosti in umetnosti I. Ljubljana, 1943.*

Словарь отмечает редкие или вовсе исчезнувшие диалектизмы, не зафиксированные, в частности, М. Плетершником. Ономастический материал выступает на равных правах с апеллятивами и во многих случаях служит основой для реконструкции древних вышедших из употребления лексем, не засвидетельствованных даже старыми словарями (ср. *blana* II, *blinja, *Dor*, *Dréznik*, *gorazd, *Hlebec*, *Hrpelje*). Слово предстает во всем многообразии фонетических рефлексов по словенским диалектам. Автор сообщает сведения о географическом распространении слова (ср. *bruněti* с пометой вост.-штирийск.), цитирует старые источники, указывает, какому времени принадлежит тот или иной вариант слова. Среди интересных диалектизмов, многие из которых впервые этимологизируются, можно отметить *bogor* 'нарыв', *bóvec* 'сгиб, складка', *břšča* 'хворост, прутья', *bríšek* 'подорожник', *brvok* 'глубокий', *deselj* 'демон', *dimljati* 'сомневаться', *gnida* 'немножко, чуточку' и т. д. Попутно заметим, что есть и пропуски отдельных важных слов. По непонятным причинам в словаре не находим *čelo* 'лоб', *grúda* 'груда, ком', гл. *dvigati*, *dvigniti* 'поднимать'. Отсутствуют формы прил. *golmeš/hólmeš* 'огромный, неловкий, глупый', о которых сам автор пишет в одной из статей³. Слово *drbácati* 'копать, драть' производится от несохранившегося *drbati (с. 111), свидетельством этого глагола является диал. *dêrbati* 'kadar krava jako muli travo, pravijo da derba' (Valjavec LjZv 1893, XIII, с. 690).

В сравнительно-этимологическом плане явственно проступает близость автора словаря к чешской школе этимологов. Это сказывается и в общей методике исследования, и в выборе этимологического решения. При выявлении славянских и индоевропейских соответствий решающее значение придается семантическому критерию, близость значений является отправным моментом при объединении в одно гнездо фонетически удаленных друг от друга основ. Нерегулярность фонетических отношений, большая свобода звуковых переходов составляет другую особенность этого направления. Так, не поддаются объяснению на основании известных правил отношения, определяемые как родственные, словен. *báhati se* 'хватать' ~ *háhati* ~ *ošabiti* 'делать высокомерным' (с. 8), *brahor* 'зоб' ~ *brízgati* ~ *bezgavka* 'железа опухшая' (с. 37). В своих этимологических исследованиях Ф. Безлай настойчиво проводит мысль о сосуществовании в славянских диалектах дублетных форм, в чем он усматривает результат взаимодействия, смещения славянских и неславянских племен в разные моменты их исторического развития⁴. Многие этимологические решения построены на допущении дублетных форм с варьированием *eu*: *ei*: *en* в корне (ср. слав. *gubiti и лит. *geibti* 'ослабевать', с. 185; и.-е. **bheug-* > рус. *бгамь* 'гнуть' и лит. *baigti*, *beigti* 'кончать', с. 36 в статье на *bžžati*). Особое чередование *ō* : *ou* связывает, по мысли автора, словен. *gáhati* 'страдать, терпеть' и слав. *gubiti (с. 134), словен. *gramoz* 'песок для дорог' и лит. *grūdas* 'зерно' (с. 169). Ф. Безлай горячо отстаивает в статьях и словаре этимологическое тождество слав. *tuxnōti и словен. *čúhnniti* 'проходить, опадать', для последнего предполагается особый вариант **tjux-*. Отношение того же типа **dux-*: **djux-* объединяет слав. *duxъ и рус. *жухнуть*, словен. *ihita* 'всхлипывание', *júhnniti* 'вздохнуть' (с. 209), что представляется очень проблематичным. В становлении фонетического облика слова решающая роль отводится процессу контаминации, смещения основ. Почти все слова в трактовке Ф. Безлая так или иначе испытывали на себе воздействие этого процесса. Естественно, что при таком подходе остаются неосвещенными вопросы славянского словообразования, отношения производящей и производной основ.

Как видим, этимологическая часть идет в русле лингвистической концепции словенского языка, известной нам по предыдущим работам Ф. Безлая. Основная идея об архаичности словенского языка, сохраняющего редкие праславянские диалектизмы с глубокими и.-е. связями, определяет поиски

³ *Bezlej F.* Dialektični arhaizmi. — *JiS* 1960/61, 1, с. 31—32.

⁴ См.: *Bezlej.* Spuren der baltoslawischen Wortmischungen. — *Baltistica*, 1974, X (1), с. 21—30.

изоглосных характеристик. сепаратных словенско-восточнославянских, словенско-балтийских изолекс (ср. *glinja*, *gosli* II, *brebir*, *gomarati*). В существовании особых изоглосных линий, связывающих словенский язык с разными частями славянского мира, автор видит подтверждение теории, по которой в освоении Восточных Альп принимали участие разные славянские племена, конгломерат этих племен в конечном счете стал основой будущего словенского языка. Словарь наглядно показывает стремление автора выделить локальные образования, представленные только в словенском и отсутствующие во всех других славянских языках. Но едва ли правомерно в каждом слове с пометой «только словенское» видеть реликтовое образование, уцелевшее лишь на крайней юго-западной славянской периферии. С большой долей вероятности к лексическим архаизмам могут быть отнесены единичные примеры: *bāža* II 'террасный виноградник' (с. 14), *dvôrec* 'ручка бурава' (с. 124). В число так называемых специфически словенских слов попадают семантические новообразования: ср. *čediti se* 'соглашаться', вторичное по отношению к *čediti (с. 59), *brdo* 'перекладина через ручей' из *brdo* 'ткацкое бердо' (с. 40), *čēla* 'часть повозки', сопоставимое с *čēlo*, *čeljost* (с. 77). Представление об изолированности некоторых словенских слов явилось результатом не совсем верного их этимологического осмысления. Примером тому может служить слово *сrēt* 'Pipus rimpulio', 'вид кустарника' (с. 67), которое нельзя рассматривать в отрыве от *črēt* 'болотистая местность', стар. *zhrēt* 'болотистый лес' (ЭССЯ, вып. 4, с. 80). Словен. *črgāti* 'капать' (ср. *lojeva sveča črgā*) является фонетическим вариантом *krgāti* (ср. *krğavo oko*), родственного чеш. *krhati*, *krhavý* 'о слезящихся глазах'. Именно так на основе мены *k/č* (ср. диал. *čidati* < *kidati*, *ščira* < *sekira*) в свое время характеризовал словенское слово Л. Пинтар⁵. Словен. *gābati* 'страдать, терпеть' (с. 134), несомненно, родственно болг. *gābam* 'задавать словом', чеш. *habati* 'хватать' и т. д. (БЕР I, с. 219; ЭССЯ, вып. 6, с. 74—75). На широком славянском фоне могут быть осмыслены словен. *čvřš* 'сук, утолщение' (с. 92), *gura* 'пуговица из смолы' (с. 187).

С основными этимологическими решениями Ф. Безлая мы знакомы по статьям, опубликованным на страницах журнала «Jezik in slovstvo», и другим работам⁶. Ф. Безлай в основном опирается на старые классические работы по славянскому языкознанию, частично учитывает и новую литературу. Достоен сожаления тот факт, что остались в стороне и не были приняты во внимание новейшие этимологические исследования, к числу которых мы относим в первую очередь ежегодник «Этимология» (издание с 1963 г.), «Этимологический словарь славянских языков» (выходит с 1974 г.), «Słownik prasłowiański» (t. I—1974 г.). Публикуемые этимологические словари на принципиально новой основе решают вопросы реконструкции праславянского лексического фонда и предлагают много новых оригинальных этимологических решений. Автор не учитывает новейшие результаты в области славянской этимологии, поэтому трудно признать удовлетворительным истолкование, которое получают словен. *jādro* I 'velum', ср. О. Н. Трубачев (Этимология. М., 1963, с. 31—32), *gluta* 'пищка', *jāta* I 'agmen', *jātiti*, ср. Х. Шустер-Шевц, В. Н. Топоров (Этимология. 1967, с. 73, 19—20), *bôg* I, II, III, ср. О. Н. Трубачев (Этимология. 1965, с. 25—27).

Этимологическая часть словарных статей носит по большей части реферативный характер. Обозревая разные подходы к истолкованию слова, автор не всегда, к сожалению, определенно и ясно высказывает свое отношение, свое понимание спорных моментов. На наш взгляд, наиболее удачные решения автор нашел для уже упомянутых *bāža*, *dvôrec*, для последнего обнаружены кельтские соответствия. Небезынтересно осмысление слов *dámelj* 'отклик' (с. 93), *dimljati* 'сомневаться' (с. 101), *deselj* 'демон' (с. 98). В силу большой продвинутости фонетического строя словенских диалектов многие слова имеют очень затемненный фонетический вид, и этимология таких слов это по

⁵ Pinter L. Slovarski in besedoslovni paberki. — LMS 1895, I, с. 6.

⁶ Jezik in slovstvo 1970/71, XVI; 1971/72, XVII; 1972/73, XVIII; 1974/75, XX; Bezlay F. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — Linguistica, 1966—1968, VIII/1, S. 63—81.

существо реконструкция исходной фонетической формы. Раскрытие первоначального фонетического облика позволяет понять внутреннюю форму слова *bóvec* 'складка' < *ob-vol-ьсь (ср. словен. *voleki* 'почки', с.-хорв. *volja* 'зоб', рус. *вошь*, *волянка* 'опухоль, нарыв'), *burnik* 'засов, стрелка весов' < *ob-vor-ьnikъ (ср. рус. *заворина* 'поперечная жердь, которой закладывают проход в изгороди', Филлин 9, с. 338), Словен. *žolhek*, *žehek*, *žuhkek* 'прогорклый' интерпретируется как *jьlъkъ и осмысливается как родственное словен. *ilka*, назв. растения, рус. *элки* (с. 209). Заслугой Ф. Безлая является выявление внутренней формы слов *ábranek*, *jámbrek* < *(j)ábręd- (с. 1), *adráš*, *andróga* < *rъdъrъ (с. 2, 4). В словаре большое место занимают заимствования. Достоинством словаря следует признать подробное освещение путей проникновения слов из различных иноязычных источников в условиях тесных языковых контактов.

Не все этимологии Ф. Безлая могут быть приняты, многие из них вызывают попутные замечания, уточнения. Приведем некоторые примеры.

ábranek 'сережка на орешнике, сосне, ольхе' (с. 1) объединяется со словами *kavrna* 'ворс на бархате, сукне', *zábrnki*, *závrnki* 'концы ниток в полотне'. Последние имеют другую этимологию. Это специфически словенские образования с приставками *ka-*, *za-*, соотносительные с гл. *vъrtěti. Ср. близкие ткаческие термины: укр. диал. *ковороток* 'прядка', с.-хорв. *zavjтѣm* 'штопать чулок' (Елезовић).

áškrc 'отрезок, кусок' (с. 5) толкуется как образование с приставкой *a-* от звукоподражательной основы *škrc*, *škrt*. Правильнее видеть в *áškrc* *ot-skъrtъсь. Основу *(s)krъt- < и.-е. *(s)ker-t- отражают словен. *škrt* 'царапина', *krtati* = *škrtati* 'мелко резать, делать зарубки; глодать; скушиться' (Pleteršnik II, с. 637), с.-хорв. *đškrt* 'резец, молоток каменотеса' (RJA IX, с. 323), болг. *къртя* 'выкорчевывать, выламывать' и т. д.

bájanica 'прут, которым ищут подземную воду' возводится к *badjanica и далее к незначительствованному *adati (с. 8). Представляется более вероятным, что отношения последовательной деривации связывают гл. *bájati* 'болтать' и 'колдовать' > *bajanje* 'колдовство, гадание' > *bájanica*.

betěti 'тлеть' (с. 18), по всей видимости, не имеет ничего общего с в.-луж. *bać so* 'тлеть, гореть', и представляет фонетический вариант гл. *butěti* 'тлеть', *buhťěti* 'пылать (об огне)', 'разбухать'. Это интенсивное образование от *búhati* 'толковать, бить' и 'вырываться, бушевать (о пламени)'.
bžjati 'нежно гладить, ласкать' (с. 36) неоправданно сложно объясняется из *boǰjati на основе чередования **bheug-*: **bheng-*. Сопоставление с рус. *бужать*, лит. *baigti* 'умирать, ослабевать' не отвечает принятому в словаре требованию семантического тождества. Следует вернуться к единственно правильному объяснению, которое дает Плетершник: от *bože*, т. е. *božec* (*ubožec komu praviti* (Pleteršnik I, с. 47).

brôja 'смесь, нечистота, грязь' (с. 47), далее *obróditi* 'пачкать' неправильно сближаются с *obloda*, *oblodva*, *obloja* 'смесь кормов для скота'. Последние соотносительны со словен. *blôda* 'ошибка, заблуждение' и *blôditi* 'блуждать' и 'размешивать, мешать'. Словен. *brôja* из *brođja < *bróditi* 'идти вброд', 'возиться в грязи, мараться', 'ковыряться, копаться', 'смешивать'.
buhav 'заплесневелый' (с. 52) не связано происхождением с с.-хорв. *būdav* 'покрытый плесенью', является производным от гл. *búhati*: ср. с.-хорв. *būhav* 'mollis', болг. (Геров) *бъжавый* 'вялый, засохший, о человеке: жирный, но не здоровый, рыхлый' (ЭССЯ, вып. 3, с. 80).

dobra 'eine wasserreiche Gegend' (с. 106) едва ли отделимо от *debër* 'овраг, ущелье' < *dъbrъ. Ср. статью на *debër* с частичным повторением топонимического материала.

dúhtati 'сопеть, тяжело дышать' (с. 120) непонятным образом отрывается от *dúhati* 'нюхать, вдыхать', 'дышать, дуть' и рассматривается лишь в связи с рус. *двохатъ*, *двошить* 'тяжело дышать' < **dvox-*. С точки зрения структуры, *dúhtati* такой же интенсификации от *dúhati*, как *buhťati* по отношению к *búhati*.

dusěti 'тяжело дышать от гнева' (с. 122) едва ли восходит к *dosъ < *đoti, *dъmp. Скорее всего это инновация, соотносительная с гл. *dušiti* (ЭССЯ, вып. 5, с. 164—165).

garati II скрести, сдирать кожу' (с. 139), по всей видимости, не соотносится с *garь 'сажа, пепел' и является заимствованием нем. *haaren*, как думал Плетершник.

glên II 'название различных болезней у скота' (с. 146) имеет, по мнению автора, один из возможных источников *glojnosc. Но здесь же приведенные семантически близкие укр. *оголоны*, *оголоны* 'нарыв на десне у лошади', рус. *оголобля* 'обморок' трудно понять с позиции словообразования и апофонических отношений. Постулируемый автором тезис о смешении основ **gel-*, **gol-* и **gləm-* ничего не проясняет.

glôb II 'пузырь, шар' (с. 148), толкуемое как чисто словенское образование с очень туманной этимологией, в действительности тождественно болг. *глоб* 'глазница', рус. диал. *глоб* 'комоч земли' (ЭССЯ, вып. 6, с. 132) и соотносительно с гл. *glôbsti* 'долбить'. Ступени продления корневого гласного отражают словен. *glâb* 'затычка', болг. *глоб* 'выдолбленная долотом часть дерева', макед. *глопка* 'отверстие, дыра'. Заметим, что *globônes*, производное от *glôb*, рассматривается и в статье на *glôbsti* (с. 149).

Нет необходимости в особом истолковании словен. *gláva* II 'две связки вместе' (<*glaba, *globiti*, *glabiti*, *gléba*) и *glávka* 'широкая часть проволоки' (<*glamъnъka, к *golme, с. 145) Обе основы представляют переосмысление слав. *golva: ср. болг. диал. *глáва* 'мера для измерения пряжи: 60 ниток на мотовиле' (БД III, с. 50), укр. *голова* 'широкая часть прядильного гребня, где помещаются зубья' (Гринченко I, с. 301).

gôbav 'leprosus' (с. 154) сближается с с.-хорв. *bûgav*, лит. *beŋgti* 'ослабевать', что представляется совершенно невероятным. Вне всякого сомнения родство словен. *gôbav* с *gôba 'spongia'. Славянский материал дает немало примеров совмещения значений 'spongia' и 'губа': ср. болг. родоп. *гббу* 'стружка на губах небольших животных' (БД V, с. 164), с.-хорв. *гûba* 'леща; вообще нарост на дереве или теле человека; болезнь кожи' (RJA III, с. 484), рус. диал. *губа* 'болезненный нарост на теле' (Филин 7, с. 192).

gobri 'угри на коже; прыщи' (с. 155) сопоставляется с польск. *obrzmieć* 'отець, опухнуть', что едва ли приемлемо, так как польское слово имеет корень **brek-*, ср. рус. *набрякнуть* 'набухнуть' (Brückner, с. 45). Словен. диал. *обърс*, *обърс* 'опухоль' отражают не изначальную форму, как думает Ф. Безлай, а являются вторичным преобразованием исходной основы, тождественной слав. *gôba. Таким образом, словен. *gobri*, как и *gôbav*, производно от *gôba* 'наплыв; гриб; кожная болезнь' (Pleteršnik I, с. 223).

На чисто семантической основе объединяются (*za*)*gôlhniti* 'заткнуть', *zaglotiti*, *zaglasiti* то же, все они выводятся из и.-е. **glek-*, праслав. *glbksati, *gloktati, *gloksati с вторичной назализацией в англосакс. *clingan* 'стиснуть'. Словен. *zagôlhniti* 'задохнуться', рус. *глохнуть* со всей определенностью говорят о праслав. *gluxъ.

Представляется очень гипотетичным видеть в рус. *поганый*, болг. *погàнец* не заимствование из лат. *pàgānus* 'языческий', а производное от гл. *ganiti, ср. рус. *ганить* 'бранить' (с. 138).

gotàrati, *komàrati* 'медленно идти, ползти, едва тащиться' (с. 160) можно сопоставить с в.-луж. *skomorìc* 'обходиться неподобающим образом, причинять зло', *komorìc* 'рыться, шарить, делать медленно', чеш. *skomirati* 'быть болезненным, слабым', рус. диал. *комбриться* 'развлекаться, гулять'.

Словарь дает много омонимов. Омонимия, отражающая современное состояние языка, переносится на плоскость праславянского. Это одно из проявлений лингвистической концепции автора, исключающей понятие семантической эволюции, синкретизма значений. В результате в словаре этимологически не соотносятся *bûhati* 'толкать', 'вырывать (о пламени)' и *bûhniti* 'оплыть' (с. 52—53); *dréti* I 'драть' и *dréti* II 'бегать, течь' (с. 113); *drobíti* I 'дробить' и *drobíti* II 'семенить; быстро говорить' (с. 115—116); *dôga* I 'радуга' и *dôga* II 'обруч' (с. 106); *blazína* I 'подушка' и *blazína* II 'перекладина в санях' (с. 25) Едва ли можно согласиться с таким подходом.

Отметим некоторые неточности в реконструкции и понимании словообразовательных отношений.

Словен. *boriti se* 'бороться' (с. 34) и родственные ему слова неверно производятся от незасвидетельствованного *borъ. В действительности глагол соотносительен с *borti и представляет тематизацию последнего (ЭССЯ, вып. 2, с. 203—204).

Слав. *bor-dlo непосредственно соотносится не с *boriti, *borniti, а с *borti (с. 37, статья на *brána* 1).

Рус. *болтать*, *болт*, укр. *боит* 'бот, ботало' (с. 33) имеют исходную форму *bьltъ, *bьltati (не *bьltъ).

Словен. *dnò* 'fundus' и *dnà* 'колика' (с. 104—105) восходят к *dьbno. Реконструкция *dьno неточно передает исходную структуру основы.

Настораживает реконструированная форма *za-drъg-ъska для словен. *zàdrska* (с. 108). Здесь же заглавное слово, представляющее словен. *sòdraga*, спшибочно дается в праславянской форме *-dorga*.

Словен. *bîtek* 'существование' (с. 23) толкуется как старое производное от **bhъu-* (ср. инф. *biti*). Правильнее видеть в нем образование, соотносительное с *bytъ < *byti.

О *bivati* (с. 23) сказано, что производящая для него основа **bhū-*. Точнее и правильнее определить *bivati* как итеративно-дуративное образование на *-a* от гл. *byti.

Целесообразно отказаться от передачи лабиального заднеязычного *g^k* в виде сочетания согласных *gъ* (ср. статьи на *gàd*, *gáj*, *gât* 1, *gojiti* и др.).

В словаре гнездовой способ расположения материала сочетается с самостоятельной этимологической разработкой отдельных производных. Строгое и экономное распределение материала характеризует, пожалуй, лишь начало словаря, но уже в той части, которая объединяет слова с начальным *d-*, *g-*, наблюдается излишняя повторяемость, дробность в сочетании с нерасчлененной общей подачей лексем, родство которых очевидно лишь на древнем уровне. Заглавное слово по существу представляет всю семью родственных образований, и многие трудные слова, требующие специального рассмотрения, не вынесены в самостоятельные статьи, хотя сам факт их этимологической соотнесенности не так уж бесспорен. Так словен. *gàvra* 'худая, изможденная корова' в очень спорной трактовке автора находим лишь в статье на *gá-biti* 'вызывать отвращение' (с. 135). Точно так же не выделяется и интересное слово *gorjāca* = *grjāca* 'сучковатая палка', упоминание о нем встречаем в статье, посвященной слову *gàra* 'толстая рогулина' (с. 138). Очень старое слово *gízda* 'высокомерие' лишь попутно освещается автором при обсуждении словен. *gvaždati* 'болтать' (с. 188). Требуется некоторых разъяснений и экспрессивный гл. *gobezdâti*, который в словаре не совсем убедительно сближается с *gъ-bec* 'os animalium' (с. 155). Растворяется в большом гнезде слов, родственных *dřskati*, и словен. *dřča* 'die Riese' (с. 117).

Нельзя не заметить, что в отдельных случаях одни и те же слова неодинаково объясняются в разных словарных статьях. Так, слово *drâpki* 'приступ лихорадки' в самостоятельной статье сближается с чеш. *drobiti* 'трясти', а в статье на *drapati* толкуется как продолжение **drop-* > и.-е. **der-* 'драть' (с. 110). Разное истолкование получает *drásati* 'разорвать' в отдельной статье и как родственное *drâhati* (с. 110). Для словен. *gúze* 'питаны' и *guzati se* 'кататься' на с. 166 восстанавливается исходная форма **gъzъ/guzъ*, а на с. 188 отдельно разбирается *guzati se*, но уже как продолжение формы *gъlъ-zati (рус. *глызнуть*). Там же для *gúze* ставится вопрос о возможности сопоставления с *okuzmati*, *okъzmati* 'щипать'. Слова *gábrast* и *gárbast* 'неровный' в одном случае толкуется как исконное образование (с. 135), а в другом как заимствование (с. 139).

Представляется избыточным повторением материала в лексической и этимологической части в статьях, посвященных словам *búla* и *búliiti* (с. 53), *glûn* и *glêp* (с. 146 и 150), *gâbez* и *gâvez* (с. 134 и 141).

Естественно, что в рамках настоящей рецензии мы затронули лишь некоторые стороны этой большой, серьезной и во многих отношениях оригинальной работы.

В заключение отметим высокую полиграфическую культуру издания. Опечатки единичны: ср. лат. *felare* вместо *fêlare*, с. 98; лит. *bâdas*, лтш. *badš*

вместо *baïdas, baïda*, с. 15 и др. Выход в свет первого тома «Этимологического словаря словенского языка» следует признать значительным событием славистики последнего десятилетия. Словарь займет свое определенное место в кругу публикуемых славянских этимологических словарей. Несомненно, этот значительный труд привлечет к себе большое внимание славистов, специалистов по славянской этимологии.

Л. В. Куркина

Y. M a l k i e l. Etymological dictionaries. A tentative typology. The University of Chicago press. Chicago and London, 1976

Имя Якова Малькеля, профессора языковедения и романской филологии Калифорнийского университета в Беркли, знакомо не только романистам и испанистам. У нас пользуются известностью его работы по лексикологии, реконструкции слов, по этимологии в связи с общими проблемами современного языковедения.

Привлекают широта и объективность взглядов Я. Малькеля, его уверенность в новом подъеме этимологических исследований после определенного периода спада или во всяком случае некоторой утраты этимологией общетеоретического значения («Этимология проиграла битву, но не войну. . .», с. V II). Автор трезво судит, что новый подъем, на сей раз в сложной обстановке широкого, если не повсеместного увлечения общим языковедением, осуществим не только через накопление фактов, но и через решительное обновление методов и приемов. Это даст право этимологам вступить в диалог с другими лингвистами на более высоком уровне и по более общим вопросам.

Нельзя не оценить смелость автора. В литературе насчитывается ряд работ по общей этимологии, этимологии романских, германских, славянских и других языков, по этимологии «вчера и сегодня», значительно меньше исследований по проблематике этимологических словарей отдельных языков и языковых групп, а работ по общей типологии этимологических словарей нет совсем. Рецензируемая книга Я. Малькеля — «Этимологические словари. Опыт типологии» — по-видимому, первое исследование на эту тему. Типологический аспект, конечно, пользуется сейчас небывалой и заслуженной популярностью во всей науке. Но если в фонологии, дисциплине, всегда оперирующей ограниченным набором единиц, типологические моменты лежат, так сказать, на поверхности, и охват релевантных данных нескольких десятков языков — не такое трудное дело, то в лексикологии и этимологии типологические моменты вскрываются гораздо труднее. Сказанное относится в принципе и к типологии этимологических словарей.

Публикуя труд по типологии этимологических словарей, ученый берет на себя весьма высокие обязательства, поскольку типология имеет дело с выявлением универсалий, а для этого — в рамках поставленной проблемы — должны быть, строго говоря, рассмотрены все этимологические словари в с е х языков. Такая слишком идеально поставленная задача вряд ли осуществима, и ее имеет смысл разумно ограничить, опуская менее существенное или более далекое. Не следует лишь ограничиваться генетическими рамками, т. е., занимаясь типологией этимологических словарей, целесообразно привлекать не одну лишь индоевропеистику, а по крайней мере этимологическую лексикографию еще нескольких больших самостоятельных языковых семей (например, финноугорской, тюркской). Обширная библиография (с. 101—129) дает представление о проделанной Я. Малькелем работе по изучению целой библиотеки этимологической лексикографии. Знакомство со столь разнообразными трудами, как дравидский этимологический словарь Барроу — Эмено и этимологический словарь кастильского (испанского) языка, разумеется, не может не быть весьма разным у Малькеля, испаниста по профессии. В целом индоевропейская этимологическая лексикография дана у автора очень подробно, например, каждый славянский язык представлен не одним, а несколькими этимологическими словарями (так, для русского языка перечис-